

(9-735656

*На правах рукописи*

Боровик Юлия Викторовна

**СТАРООБРЯДЧЕСТВО УРАЛА И ЗАУРАЛЬЯ  
НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ (1905–1927 гг.)**

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

Автореферат диссертации  
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Екатеринбург

2003

**Научный руководитель:** кандидат исторических наук, доцент  
**Байдин Виктор Иванович**

**Официальные оппоненты:** доктор исторических наук  
**Мосин Алексей Геннадьевич**

кандидат исторических наук, доцент  
**Курасова Антонина Александровна**

**Ведущая организация:** **Институт истории Сибирского отделения  
Российской Академии наук**

Защита состоится 25 июня 2003 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д. 004.011.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук по адресу: 620026, г. Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, д. 56.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

Автореферат разослан 23 мая 2003 г.

Ученый секретарь диссертационного совета  
кандидат исторических наук



Е. Т. Артемов

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления существования старообрядчества и установления его специфики в условиях конкретного региона, углубленного раскрытия проблематики, связанной с историей **староверия** для открытия новых перспектив в выявлении и интерпретации как общих, так и особенных тенденций развития русской традиционной духовной и материальной культуры.

**Степень** изученности темы. В отношении истории староверов Урала и Западной Сибири 1900–1920-х гг. предпринималось не так уж много исследований, несмотря на то, что в целом российское старообрядчество этого времени неоднократно оказывалось в центре внимания. Работы А. С. Пругавина, С. А. Мельгунова, И. К. Пятницкого<sup>1</sup> относятся еще к первым двум десятилетиям XX в., когда в разряде наиболее актуальных тем были вопросы о численности староверов, **веротерпимости** к ним, функционировании радикальных старообрядческих согласий. В то же время, из-за малой хронологической удаленности от предмета исследования, эти труды весьма сложно отделить от источников. К тому же в них почти не затронуто **староверие** уральского региона.

Волна работ, касающихся староверия **региона**, была вызвана к жизни началом в 1928 г. новой антирелигиозной кампании. Сначала появились агитационно-пропагандистские труды **общего плана**, содержащие многократно повторяемые утверждения о церковной контрреволюции и реакционной роли религии, помогающей зажиточной верхушке удерживать в темноте и бесправии трудящихся Урала и **Сибири**<sup>2</sup>. В них значительно усилился тон, заданный в 1920-х гг. атеистическими изданиями типа «Безбожника», которые были ориентированы на просветительство «одурманенных» религией масс.

В числе первых заметных работ, посвященных этому вопросу, можно назвать небольшую книгу А. А. Дочотова, которая по большей части предназначалась для обличения религии - инструмента классового **угнетения**<sup>3</sup>. Вслед за исследователями народнического **направления**, в первую очередь А. П. Цаповым<sup>4</sup>, А. А. Долотов воспроизводит взгляд на старообрядчество как на социально-политическое движение «различных слоев населения, в том числе и духовенства, против крепостнического государства». Говоря о

<sup>1</sup> Пругавин А. С 2 миллиона или 20 миллионов. СПб., 1902; *Он же*. Борьба с Антихристом (Очерки религиозно-аграрного движения на Урале) // Заветы 1914. № 5. Отд. II. С. 63-92; Мельгунов С. П. Старообрядцы и свобода совести (исторический очерк) М., 1907. Пятницкий И. К. Секта странников и ее значение в расколе. СПб., 1912.

<sup>2</sup> См.: В помощь безбожнику. Златоуст, 1929; Задачи антирелигиозной пропаганды на Урале // Известия Уральского областного исполнительного комитета. 1929. № 33-34. С. 13; Эрстов А. На Тобольском фронте борьбы с религией. Антирелигиозные очерки и материалы. Тобольск. 1929;

<sup>3</sup> Долотов А. А. Церковь и ссктанство в Сибири. Новосибирск. 1930. С. 53-74.

<sup>4</sup> Шапов А. П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII века и в первой половине XVIII: Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. Казань. 1859; *Он же*. Собр. соч. в 3 т. СПб., 1906. Т. 1: Земство и раскол.

начале XX в., автор большое внимание уделяет доказательству контрреволюционности **старообрядчества**, поскольку «стоявшие во главе его капиталисты» желали сохранения царской власти, осуждали классовую борьбу, подавляли забастовки и восстания в 1905 г., одобрили **Ленский** расстрел 1912 г., приветствовали Временное правительство, препятствовали распространению **атеизма**, боролись против советской власти сначала в рядах армии **Колчака**, затем путем нелегальной печати в таежных скитах антибольшевистских листовок. Переход старообрядчества на позиции, лояльные по отношению к новой власти, совершился, по **мнению** А. А. Долотова, лишь как маневр для отвода глаз, на самом же деле его контрреволюционность сохранилась. С одной **стороны**, исследование А. А. Долотова ценно тем, что в нем впервые приводятся сведения о «ликвидированных» в конце 1920-х гг. сибирских скитах, о деятельности нескольких видных представителей урало-сибирского старообрядчества после 1917 г. Однако и подбор фактов и их интерпретация **находятся** в прямой зависимости от задач **антирелигиозной** пропаганды и **культурной** революции. С этих же классовых позиций подается информация о старообрядчестве в большинстве публикаций с конца 1920-х гг.<sup>5</sup>

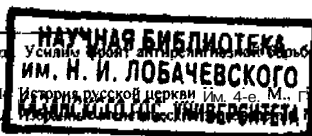
Тогда же Н. М. Никольским был создан первый концептуальный труд по истории русской церкви с позиций **марксизма**, в котором рассматривалось в том числе и **старообрядчество**<sup>6</sup>. В разделе, посвященном концу XIX - первым десятилетиям XX вв., дается положительная оценка законодательным актам 1905 г., провозглашающим веротерпимость и свободу совести, поскольку, по мнению исследователя, они ускорили процесс разложения **официального** православия. В отношении старообрядческих организаций Н. М. Никольский делает обобщающие выводы по всей стране, обращаясь в основном к примеру деятельности **белокриничского** согласия в Москве.

В. Д. Бонч-Бруевичу, считавшемуся крупным специалистом по сектантскому и старообрядческому движениям, принадлежит серия статей о религии, атеистической пропаганде и **просвещении**<sup>7</sup>. Его понимание сущности «раскола» также базируется на тезисе о религиозной форме протеста народных масс против феодального гнета. В. Д. Бонч-Бруевич, рассматривая период после 1917 г. и не выделяя отдельно старообрядчество, замечает, что «многие руководители религиозных общин самых различных вероисповеданий вели антисоветскую пропаганду в отсталых слоях народа против мероприятий советской власти», за что и были привлечены к ответственности, а религиозных гонений «не было и **быть** не могло». Он полагает, что после Декрета об отделении церкви от **государ-**

<sup>5</sup> Например: *Панаев В. И.* Усилия фронта антирелигиозной борьбы // Просвещение на Урале. 1930. № 9. С. 87–89; см. также прим. 2.

<sup>6</sup> *Никольский Н. Л.* История русской церкви. Изд. 4-е. М., ГИИ, 1938.

<sup>7</sup> *Бонч-Бруевич В. Д.* История сектантского движения в России. М., 1973. С. 44–60, 173–263.



ства всем гражданам была обеспечена свобода совести и «многие сектантские и старообрядческие организации, наконец-то получили возможность существовать свободно». Конкретные материалы, связанные с уральской тематикой и староверами, в работах В. Д. Бонч-Бруевича не представлены.

На основании классового подхода и марксистской теории рассматривается история старообрядческих согласий в трудах В. Д. Миловидова, Ю. В. Гагарина, Ю. М. Иволина, В. Г. Карцова, А. Е. Катунского<sup>8</sup>. Отчасти в них вошли, хотя и весьма фрагментарно, отдельные моменты истории староверия урало-сибирского региона в начале XX в.

Более перспективным оказалось комплексное изучение старообрядческой истории и культуры создаваемыми с середины 1960-х гг. археографическими центрами. Полевые наблюдения в сочетании с исследованием памятников старообрядческой книжности и архивным поиском позволили сформировать богатейшую источниковую базу для теоретических выводов о развитии старообрядчества как своеобразного и противоречивого феномена традиционной русской культуры.

Среди наиболее важных для данной темы следует упомянуть труды представителей московского центра: Е. А. Агеевой, И. В. Поздеевой, Е. Б. Смилянкой, Т. А. Кругловой, Н. А. Кобяк, Я. Н. Шапова, В. П. Пушкова, посвященные российскому старообрядчеству в целом и некоторым аспектам истории староверия отдельных районов Пермской губернии в частности<sup>9</sup>. Большинство этих работ сосредоточено на старообрядчестве дореволюционного периода.

Много внимания историческим исследованиям верхокамского и северпермского старообрядчества рубежа XIX-XX вв. уделяется пермским этнографом Г. Н. Чагиным<sup>10</sup>.

<sup>8</sup> Миловидов В. Ф. Современное старообрядчество. М., 1979; *Он же*. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969; Гагарин Ю. В. Старообрядцы. Сыктывкар, 1973; Иволин Ю. М. Старообрядцы и старообрядчество в Удмуртии. Ижевск, 1973; Карцов В. Г. Религиозный раскол как форма антифеодалного протеста в России. Калинин, 1971; Катунский А. Е. Старообрядчество. М., 1972.

<sup>9</sup> Агеева Е. А. Старообрядческое согласие «не присмлющих общин» и его историографы // Традиционная народная культура населения Урала. Мат.-лы междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 1997. С. 172–178; Поздеева И. В. Верещагинское территориальное книжное собрание и проблемы истории духовной культуры русского населения верховья Камы // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.). М., 1982. С. 40–71; *Она же*. Книга - личность - община - инструменты воспроизводства традиционной культуры (30 лет изучения старообрядческих общин Верхокамья) // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения. Мат.-лы науч. конф. «Старообрядческий мир Волго-Камского региона и проблемы его комплексного изучения». Пермь, 25–26 октября 2001 г. Пермь, 2001. С. 7–30; *Она же*. Русское старообрядчество и Москва в начале XX в. // Мир старообрядчества. Вып. 2: Москва старообрядческая. М., 1995. С. 6–40; Пушков В. П. Массовые источники по истории старообрядческих поселений Пермского региона второй половины XIX-XX вв. как база комплексных исследований // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. Мат.-лы междунар. науч. конф. 21–24 ноября 1995 г. Сб. науч. тр. М., 1998. С. 73–80; Шапов Я. Н. Старообрядцы в Москве между двумя революциями (1905–1917 гг.) // Skupiska staroobrzędowcow w Europie, Azji i Ameryce. Polska Akademia nauk. Institut slawistyki. Warszawa, 1994. С. 81–89.

<sup>10</sup> Чагин Г. И. Заселение и хозяйственное освоение Верхокамья в конце XVII и - первой трети XX вв. // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. Материалы междунар. науч. конф. 21–24 ноября 1995 г. Сб. науч. тр. М., 1998. С. 265–274; *Он же*. Пудвинская лавра // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. С. 169–172; *Он же*. Старообрядческий мир верховьев Колвы и Печоры в XIX–XX вв. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 11. Екатеринбург.

Им достаточно детально были проанализированы особенности хозяйственного освоения Верхоямья, семейные и культурные связи поморских общин этого **района**, а также традиции пустынножительства у **чердынских** беспоповцев. Попытка этнокультурного изучения южнопермского старообрядчества была предпринята еще одним пермским исследователем – **А. В. Черных**<sup>11</sup>. Широко привлекаемые им материалы устных опросов старообрядческого (и нестарообрядческого) населения представляют собой не характеристику «**этноконфессиональных** и этнокультурных особенностей» региона, **как** полагает автор, а, скорее, срез представлений информантов об окружающем мире. Хотя некоторые сведения, содержащиеся в работе А. В. Черных, вызывают большой интерес. Сделанные исследователем утверждения о распространенности активных межэтнических и межконфессиональных контактов, например, староверов с **татарами**, представителями других согласий и прихожанами официальной церкви, возможно, нуждаются в более основательных доказательствах. Менее конкретизированы выводы другого специалиста в области этнологии и этнографии Южного Урала, уфимской исследовательницы Е. С. **Данилко**, которая острожно заявляет о влиянии «**инокультурного** окружения», «**политэтнической** среды» на бытовое и обрядовое своеобразие **старообрядчества**<sup>12</sup>.

В числе работ по истории старообрядчества Зауралья, к которым вряд ли возможно обращаться для получения даже общей характеристики состояния **староверия** этого региона, следует назвать исследование О. Н. **Савицкой**<sup>13</sup>. Отчасти эта ситуация сложилась из-за наличия в труде многочисленных ошибок и неточностей в фактах и определениях, отчасти из-за слабого знакомства автора со спецификой процесса исторического исследования, своеобразием рассматриваемого предмета, а также с трудами предшественников и коллег.

В отношении Зауралья гораздо более основательными и точными являются исследования П. И. **Мангилева**, посвященные, главным образом, истории поморского **согласия**<sup>14</sup>.

1998. С. 258–272; *Он же*. Традиционные связи духовной культуры семьи и общины русского старообрядческого населения Верхоямья // *Традиционная* духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 162–167 и др.

<sup>11</sup> *Черных В.* Старообрядчество южных районов Пермской области в контексте этнокультурной истории // *Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения. Мат.-лы науч. конф. «Старообрядческий мир Волго-Камского региона и проблемы его комплексного изучения»*. Пермь. 25–26 октября 2001 г. Пермь. 2001. С. 133–158.

<sup>12</sup> *Данилко Е. С.* Старообрядчество на Южном Урале: историко-этнографическое исследование. Автореф. дис... канд. ист. наук. Уфа, 2000.

<sup>13</sup> *Савицкая О. Н.* Старообрядцы // История Курганской области. Т. 4: Церковь Южного Зауралья в досоветский период. Курган, 1998. С. 295–356; *Она же*. История старообрядческого религиозного движения в Южном Зауралье в середине XVII – начале XX вв. Автореф. дис... канд. ист. наук Курган, 2000.

<sup>14</sup> *Мангилев П. И.* «Родословие поморской веры на Урале и в Сибири» и старообрядческая полемика о браке // *Культура и быт доревolutionного Урала*. Свердловск, 1989. С. 92–103; *Он же*. К истории урало-сибирского старообрядчества XVIII–XIX вв. Крестьянин Стефан Кузьмич Тельминов // *Религия и церковь в Сибири*. Вып. 1. Тюмень. 1990. С. 10–14. *Он же*. Из истории складывания обряда *бессвященнословных браков* у старообрядцев Урала // *История церкви: изучение и преподавание. Мат.-лы науч. конф., посвящ. 2000-летию христианства*. Екатеринбург. 22–25 ноября 1990 г. Екатеринбург. 1999. С. 198–204; *Он же*. К истории поморского согласия на Урале в XVIII–XX вв // *Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий*. Екатеринбург. 2000. С. 4–24 и др. Поскольку в ближайшее время П. И. Мангилев планирует представить диссертационное исследование по истории поморцев Зауралья, мы позво-

На базе обширного круга источников им приводятся детальные биографические данные ведущих персоналий, рассматривается содержание и значение **многочисленных** зауральских поморских соборных постановлений конца XIX - начала XX вв., раскрываются направления полемики между брачным и **бракоборным** течениями в указанном согласии.

Появление и распространение **белокриницкой** иерархии на Урале, неизвестные ранее данные об активных деятелях этого согласия с 1850-х гг. и до конца XX в., а также краткая, но яркая и показательная история «**беловодского**» священства изложены в работах С. А. Белобородова<sup>15</sup>.

В труде Л. Н. Суловой, посвященном взаимоотношениям старообрядчества Тобольской губернии с духовными и гражданскими властями с конца XVIII в. до 1917 г., сделаны ценные наблюдения о закономерностях статистического учета староверов в ходе переписи 1897 г., произведено сравнение с данными по Пермской губернии<sup>16</sup>.

В основе изысканий трех вышеупомянутых исследователей, а также данной работы лежат труды специалистов по истории урало-сибирского старообрядчества XVII - первой половины XIX вв.: В. И. Байдина и А. Т. Шашкова, в немалой степени способствовавших введению в научный оборот новых источников, идентификации конкретных носителей старообрядческой культуры и идеологии, определению социально-экономических характеристик видных деятелей **староверия**<sup>17</sup>. К богатому фактическому материалу, представленному В. И. Байдиным в исследовании «**Старообрядчество Урала и самодержавие в конце XVIII - середине XIX вв.**» вплоть до настоящего времени часто обращаются при

лили себе, опираясь на материалы, опубликованные им и рядом других исследователей (С. А. Белобородов, В. Я. Темплинг), сделать лишь краткий обзор по данной теме.

<sup>15</sup> *Белобородов С. А.* «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири (Из истории русской Православной Старообрядческой церкви - белокриницкого согласия) // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 136-172; *Он же.* Славяно-беловодская иерархия. Мат.-лы к истории затнувшейся мифификации // Сибирь на перекрестке мировых религий. Мат.-лы межрегиональной конф. Новосибирск, 2002. С. 124-126.

<sup>16</sup> *Сулова Л. Н.* Старообрядчество и власти в Тобольской губернии в конце XVIII - начале XX вв. Дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002.

<sup>17</sup> *Байдин В. И.* Новые источники по истории крестьянских волнений на Урале в 1940-е гг. XIX в. // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск. 1979. С. 90-96; *Он же.* Новые источники по организации и идеологии урало-сибирского старообрядчества конца XVIII - первой половины XIX вв. // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 93-109; *Он же.* Старообрядчество Урала и самодержавие в конце XVIII - середине XIX вв.: Дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 1983; *Он же.* К вопросу о старообрядческом иконописании на горнозаводском Урале в XVIII - XIX вв. // Древнерусская традиция в культуре Урала: Мат.-лы науч.-практ. конф. Челябинск, 1992. С. 18-41; *Он же.* Два ряда портретов XVIII столетия: российские монархи и крестьяне Заверткины // Историческая генеалогия. Екатеринбург: Париз. 1994. Вып. 4. С. 48; *Он же.* Пути-дороги инока Паисия // Уральский следопыт. 1994. № 4. С. 41-44; *Он же.* Кто ты, Иона Курносый? // Ежегодник НИИ РК УрГУ, 1994. Екатеринбург, 1995. С. 32-47; *Он же.* Эволюция социально-культурного и бытового облика верхушки уральской буржуазии в конце XVIII-XIX вв. (на примере семьи екатеринбургских купцов Казанцевых) Я Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. С. 17-27; *Невянская икона* / В. И. Байдин, Г. В. Голынец, Н. А. Гончарова и др. Екатеринбург, 1997; *Шашков А. Т.* Послание сибирской «братии» протопопа Аввакума и его адресаты // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма: археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1985. С. 85-97; *Байдин В. И., Шашков А. Т.* Исторические сочинения уральских старообрядцев XVIII-XIX вв. // Историография общественной мысли дореволюционного Урала. Свердловск, 1988. С. 4-9; *Байдин В. И., Шашков А. Т.* Новые материалы к изучению биографии и творчества зауральского крестьянина М. И. Галанина - бунтаря и писателя XVIII в. // Культура и быт дореволюционного Урала. Свердловск. 1989. С. 59-70; Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья / *Байдин В. И., Шашков А. Т.* В 2-х томах. Т. 1. Вып. 1-2. Свердловск, 1991; Т. 2. Вып. 1-2. Екатеринбург, 1993.

изучении различных аспектов истории **староверия региона**, а также истории уральского **предпринимательства**. Не утратили актуальность сделанные в данной работе выводы об эволюции настроений внутри различных социальных групп **урало-сибирской** беглоповщины под влиянием изменений во взаимоотношениях старообрядчества и власти в период либерализации при Александре I и во время наступления Николая I на «раскол».

Наиболее **существенный** вклад в изучение **общественного** сознания урало-сибирского староверия XX в. внесли ученые новосибирского археографического центра. В первую очередь, следует отметить статьи Н. Н. Покровского, показавшего в начале 1990-х гг. возможность и актуальность исследований истории старообрядчества советской эпохи, тесно связав их с анализом творчества народных **писателей-староверов**, его последующие работы, посвященные разработке концепции о сочетании традиций и новаций в старообрядческой культуре и духовной **жизни**, источниковедческому изучению обширного комплекса соборных постановлений часовенного согласия XVIII–XX вв.<sup>18</sup> Особый интерес для заявленной темы представляет проведенный Н. Н. Покровским анализ ряда старообрядческих памятников - родословий часовенного согласия, а также полемического сочинения о природе **Антихриста**, созданного оренбургским автором в конце XIX - начале XX вв.<sup>19</sup> Кроме того, следует учитывать также его исследования по предшествующему периоду истории старообрядчества: XVIII - первой половине XIX вв., в которых в том числе изложены и ценные наблюдения источниковедческого характера в отношении **судебно-следственных дел**<sup>20</sup>.

Результатом кропотливой работы Н. Д. Зольниковой, направленной на поиск, изучение и публикацию новых старообрядческих памятников и связанных с ними документальных материалов, стало введение в научный оборот ряда сочинений сибирских скитников<sup>21</sup>. В них четко прослеживаются особенности восприятия староверами (среди которых

<sup>18</sup> Покровский Н. Н. За страницей «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир. 1991. № 9. С. 77-90; *Он же*. Скитские биографии // Новый мир. 1992. № 8. С. 194-210; *Он же* Рассказ о Екатеринбургском соборе 1884 г. // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск. 1992. С. 146-159; *Он же*. Традиции и новации в духовной жизни русского старообрядчества // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 6-12; *Он же* Старообрядческий рассказ о сталинских репрессиях // Возвращение памяти. Новосибирск, 1994. Вып. 2. С. 198-211; *Он же*. Старообрядческий агнографический цикл XX века // Skupiska staroobzedowcow w Europie, Azji i Ameryce, ich miejsce i tradycje we wspolczesnym swiecie. Warszawa, 1994. С. 33-43; *Он же*. Соборные уложения часовенных XVIII–XX вв.: система запретов // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Сб. науч. тр. Новосибирск. 2000. С. 123-138идр.

<sup>19</sup> Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Старообрядцы-часовенные на востоке России. М., 2002. С. 59-225.

<sup>20</sup> См.: Покровский Н. Н. Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII - середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода (Археография и источниковедение Сибири). Новосибирск. 1982. С. 48-79.

<sup>21</sup> Зольникова Н. Д. Современный писатель-старообрядец с Енисея // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 283-288; *Она же*. Историко-эсхатологическое сочинение XX века // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 160-190; *Она же*. Сибирские писатели-староверы XX века // Проза Сибири. 1996. № 1. С. 269-275; *Она же*. Сибирские староверы-часовенные в первой половине XX века.: Древние традиции в советское время // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI-XX вв. Новосибирск. 1998. С. 174-



были и выходцы с Урала) глобальных изменений XX в., их интерпретация революционных потрясений и мероприятий большевиков. В ее изысканиях сделан сравнительный анализ биографических сведений из старообрядческих сочинений XX в. с материалами следственного дела о разгроме скитов часовенных в Красноярском крае отрядами МГБ в 1951 г. Благодаря этим исследованиям были существенно расширены представления о скитах часовенного согласия на Урале и в Сибири XX в., о тайных старообрядческих миграциях на восток в годы советской власти. Труды Н. Д. Зольниковой являются ныне одной из главных отправных точек в изучении новейшей истории старообрядцев востока России, и это обстоятельство учитывалось и при выполнении настоящего исследования.

Еще одним новосибирским автором, сделавшим заметный вклад в изучение истории староверов-странников, является А. И. Мальцев. Им достаточно подробно изучено творческое их наследие и реконструирован основной ход событий, имевших большое значение во внутренней жизни этого **согласия**<sup>22</sup>.

Однако, несмотря на глубокие и плодотворные исследования по истории старообрядчества России в целом и урало-сибирского региона в частности, ощущается насущная потребность в **труде**, обобщающем комплекс сведений о состоянии **староверия** Урала и Западной Сибири в первой четверти XX в. Кроме того, почти неразработанной остается проблема, связанная с положением старообрядцев после законодательных изменений 1905–1906 гг., причины и следствия появления недоверия в ряде согласий к полученным «свободам». Нуждается в изучении влияние событий революционного времени и мероприятий советской власти на состояние староверия.

Объектом исследования является старообрядчество, разделяемое на ряд согласий и толков. Основные согласия поповского **направления**: **беглопоповцы** и **белокриницкое** согласие («**австрийцы**»); **беспоповского**: **поморцы** (**новопоморцы** - **брачники**, **тропарщики** и **старопоморцы** - **поморцы-безбрачники**, **федосеевцы**, **филипповцы**), **спасовцы**, **странники**; **промежуточное положение** между поповскими и беспоповскими согласиями **занимают**

190; *Она же*. Межконфессиональная полемика сибирских староверов в XX в.: «часовенные» против «австрийских» // *Гуманитарные науки в Сибири*. Серия: Отечественная история. 1999. № 2. С. 51–55; *Она же*. Скитские письма второй половины XX века (Нижний Енисей) // *Общественное сознание и литература XVI–XX вв.* Сб. науч. тр. Новосибирск. 2001. С. 292–299; *Она же*. Таежный писатель // *Традиция и литературный процесс*. Новосибирск. 1999. С. 418–433; *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Старообрядцы-часовенные на востоке России. С. 226–313, 395–446 и др.

<sup>22</sup> *Мальцев А. И.* «Исторический рассказ инокини Раисы о древнем старце Никите Семеновиче» // *Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России*. Новосибирск. 1992. С. 191–206; *Она же*. К вопросу о возникновении страннического согласия во второй половине XVIII в. // *Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений* в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск. 1992. С. 312–318; *Она же*. Новые материалы о странническом согласии в собрании рукописей Института истории СО РАН // V Уральские археографические чтения. К 25-летию Уральской объединенной археографической экспедиции. Тезисы докл. конф. Екатеринбург. 14–16 октября 1998 г. Екатеринбург. 1998. С. 32–34; *Она же*. Старообрядческая повесть XX в. «Последние дни и кончина отца Арсения» // *Традиция и литературный процесс*. Новосибирск, 1999. С. 433–440; *Она же*. Старообрядческий наставник XX века Христофор Иванов и его учение // *Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания*. Новосибирск, 2000. С. 57–64; *Она же*. Статьи Никиты Семенова (1860г.) и раскол страннического согласия // *История Церкви: изучение и преподавание*. Мат-лы науч. конф., посвящ. 2000-летию христианства. Екатеринбург. 22–25 ноября 1999г. Екатеринбург. 1999. С. 222–227 и др.

часовенные. Еще в 1840-х гг., в условиях преследования властями беглых иереев, они передали функции последних наставникам-мирянам и, таким образом, с формальной точки зрения стали беспоповским согласием. Однако ими был сохранен практически полностью круг прежних обрядов и не сделано принципиального признания исчезновения **«истинного» священства** в мире.

**Беглопоповцы** неоднократно предпринимали попытки найти **«древлеправославную»**, не оскверненную «новинами» иерархию. Результатом одной из таких попыток стало появление старообрядческой митрополии в Белой Кринице (Австрии) - **белокриницкому** согласию. Причем большинство бывших беглопоповцев изначально сочло «австрийскую» иерархию незаконной, но на протяжении нескольких десятков лет агитация представителей белокриницкого согласия медленно, но **успешно** находила поддержку как раз в рядах часовенных, не имеющих священства, но желающих его обрести. В данной работе наибольшее внимание уделяется истории, внутренней жизни, взаимоотношениям с поповцами и беспоповцами староверов часовенного согласия, поскольку к нему принадлежала преобладающая часть старообрядцев региона.

Предметом исследования является история старообрядческих согласий и толков в начале XX в.

Цели и задачи. Целью работы является выявление тенденций развития старообрядчества Урала и Зауралья на таком значимом этапе в истории России, как **1900–1920-гг.** и определение влияния переломных событий данной эпохи на **староверие** – уникальный культурный и исторический феномен. В числе задач исследования следует отметить следующие:

- анализ статистических данных о старообрядчестве, особенностей расселения староверов в регионе, распределения по согласиям и толкам; определение основных направлений полемики между согласиями и внутри них;
- выявление особенностей изменения в социальном составе и организационной структуре старообрядческих обществ;
- характеристика правового положения староверов после либерализации законодательства в 1905-1906 гг.; рассмотрение политических предпочтений старообрядцев;
- выявление изменений во взаимоотношениях старообрядцев и властей: определение влияния антирелигиозных акций большевиков на состояние староверческих обществ;
- выявление вариантов старообрядческих толкований процесса революционных преобразований.

Хронологические рамки ограничены, с одной стороны, либерализацией законодательства в отношении старообрядчества, начавшейся с Указа «об укреплении начал **веро-**

терпимости» 17 апреля 1905 г. и продолженной провозглашением свободы совести Манифестом «О даровании населению незабываемых основ гражданской свободы и об установлении нового **законодательного** порядка» 17 октября 1905 г., а также императорским Указом 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин». Хотя в ряде случаев, в частности, при рассмотрении вопроса о соотношении старообрядческих согласий, их численности на рассматриваемой территории, сделан экскурс в более ранний период - вторую половину XIX в. Этот шаг позволил проследить динамику изменения количественных параметров староверия, сделать выводы об особенностях статистического учета старообрядцев, трансформации **законодательства**, касающегося положения старообрядцев в Российской империи, а также составить, по возможности, более цельную картину существования согласий и толков на Урале в начале XX в. Верхняя **граница** – 1927 г., год, предшествующий широкой антирелигиозной кампании как составной части «культурной революции», которая происходила параллельно с коллективизацией и индустриализацией. Первым шагом на пути к «великому перелому» стали решения XV съезда ВКП(б) в декабре 1927 г.: переход к системе **пятилетних** планов, курс на высокие темпы индустриализации, наступление на частный капитал, создание крупных коллективных хозяйств в **деревне**<sup>23</sup>. Тогда же было заявлено, что «подъем производительных сил экономики неминуемо будет сопровождаться частичным нарастанием классовых противоречий». Последнее положение было теоретически обосновано И. В. Сталиным на пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1928 г., после чего вновь последовало провозглашение борьбы с враждебными влияниями и **претворение** намеченного в жизнь, в том числе и на «антирелигиозном фронте». Установление советской власти является основанием для разграничения всего рассматриваемого периода на два этапа: первый (1905-1917 гг.) включает в себя время относительной веротерпимости, второй (1917-1927 гг.) связан с изменением государственной политики в отношении религии, **расцениваемой** как подлежащий искоренению пережиток прошлого.

Географические рамки охватывают территорию дореволюционных Уфимской, Оренбургской, Пермской и Тобольской губерний. Старообрядческие общества разных согласий, **имеющиеся** в данных пределах, поддерживали между собой более тесные связи, чем с «внешними» общинами (исключением, возможно, следует считать контакты с Москвой, которая была влиятельным центром как для «австрийской» иерархии, так и, хотя и в меньшей степени, для поморцев, федосеевцев, **филипповцев**).

Ключевое положение в интерпретации взаимодействия демографических, экономических, социальных, культурных процессов, влиявших на развитие объекта исследования

<sup>23</sup> КПСС в **резолюциях** и решениях **съездов конференций** и пленумов ЦК. Т. 4 (1926–1929). М., 1984. С. 256–314.

заняло одно из **направлений** социальной истории - анализ локальных **общностей**, т. н. локальная история. Главным принципом данного направления, ставшего **методологической основой** исследования, является описание и анализ реально **существовавших** социальных организаций локального уровня, не исключающие создание коллективных портретов и биографий конкретных локальных **общностей**<sup>24</sup>. Этот подход, с одной стороны, обеспечивает анализ общества как целостности, а с другой стороны, позволяет оставить в поле зрения исследователя действия и мотивы отдельных индивидов. В функционировании старообрядческих обществ, сложившихся по конфессиональному признаку, заметную роль играли социально-экономические факторы, однако поведение представителей этих **обществ** не всегда было детерминировано только ими. Дополнить картину помогает подход локальной истории, отталкивающийся от раскрытия внутренней организации и функционирования социальной среды в самом широком смысле этого **слова**, включая исторический ландшафт, микрокосм общины, все многообразие человеческих общностей, неформальных и формальных групп, их соотношений между собой, а также с социальными стратами, сословными группами, классами. В качестве основных исследовательских приемов в работе использовались сравнительно-исторический, ретроспективный и системный **методы**.

В процессе работы с источниками использовались методы источниковедческого анализа и **синтеза**, базирующиеся на принципах внешней и внутренней критики источника, археографических приемах работы с документами, что подразумевает понимание исследователем исторических условий возникновения и обстоятельств создания источника, решение проблемы авторства **источника**, его функционирования в культуре. В качестве основных этапов работы на этом направлении стали интерпретация, анализ содержания и источниковедческий **синтез**<sup>25</sup>.

Источниковую базу исследования составили два типа источников: письменные и устные. Классификация письменных источников по видам и разновидностям произведена по принципу наличия сходных признаков в структуре и внутренней **форме**<sup>26</sup>.

В круг **письменных источников** работы входят **актовые материалы**: законодательные акты по Своду **законов** Российской империи (Указ «об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г., Манифест «о даровании населению незыблемых основ гражданской свободы и об установлении нового законодательного порядка» 17 октября 1905 г., Указ «о порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин»

<sup>24</sup> Репина Л. П. «Новая историческая наука» и **социальная** история. М., 1998. С. 62-72; КрамМ М Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу. СПб., 2000.

<sup>25</sup> Источниковедение: **Теория**, история, метод: уч. пособие / И. Н. Данилевский. В 8- Кабанов. О. М. Медушевская. М. Ф. Румянцева. М., 1998. С. 122-143.

<sup>26</sup> Пушкарев Л. И. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 188-268; Ганелин Р. Ш., Куликов С. В. **Основные** источники по истории России **конца XIX** - начала XX вв.: учебное пособие. СПб., 2000.

17 октября 1906 г.), а также постановления уральских соборов, содержащие информацию об участниках, процессе обсуждения вопросов, послуживших причиной собрания (**организационные**, догматические, обрядовые, бытовые) и тексты принятых решений. Для старообрядцев постановления их соборов по значимости стояли в одном ряду с постановлениями древних соборов, которые следовало обязательно исполнять. О состоявшемся соборе, сопутствующих ему обстоятельствах и принятом на нем решении могут содержать информацию источники, относящиеся к другим видам и разновидностям, например, таким как воспоминания, заметки в периодической печати, исторические сочинения, переписка.

К актовым источникам близко стоит такая их разновидность как решения съездов, которые отличались от соборов присутствием широкого круга лиц, как из мирян, так и из духовенства или наставников. Работа съездов чаще всего была связана с обсуждением актуальных и злободневных тем, например, в 1905 и 1917 гг. разбирали политические и экономические вопросы: о власти, о выборах, о земле, о войне (причем, несовпадение мнений, как **правило**, не становилось причиной раздоров). Среднее положение между собором и съездом занимает Первый Всероссийский съезд часовенных в Екатеринбурге в 1911 г., поскольку на нем разбирался довольно широкий круг проблем, в том числе и те, что обычно подлежали компетенции соборов. В работе использовалась документация как всероссийских, так и местных соборов и съездов, а при отсутствии таковой привлекаются пересказы участников или присутствовавших на собрании. Обе разновидности источников позволяют представить эволюцию вопросов, наиболее актуальных для староверов в переживаемый период.

Большое значение для исследования имеет *делопроизводственная документация* центральных и местных учреждений: различных **департаментов** и служб МВД, Синода, канцелярии **губернаторов**, губернских **правлений**, судов, духовных консисторий и **правлений**, епархиальных миссионеров, местных комитетов РКП(б), Советов рабочих и крестьянских депутатов, Комитета по делам религии при Совете министров СССР. В работе использованы фонды Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного исторического архива, архива **Русского** географического общества, Государственного архива Пермской области, Отдела по делам архивов при администрации г. Нижний Тагил, **Государственного** архива Свердловской области, Государственного архива административных органов Свердловской области, Центра документации общественных организаций Свердловской области, Объединенного государственного архива Челябинской области, Центрального государственного исторического архива республики Башкортостан, Государственного архива Тюменской области и его филиала в Гобольске, Тюменского област-

ного центра документации новейшей истории, архива Управления Федеральной службы безопасности по Тюменской области. В состав делопроизводственной документации входят: ведомственные распоряжения, касающиеся прав и обязанностей староверов, деловая переписка по прошениям старообрядцев, **судебно-следственные** материалы о нарушении старообрядческими деятелями прав господствующей церкви или, после 1917 г., о проявлении контрреволюционных настроений, отчеты государственных чиновников о наблюдениях за староверами.

К исследованию широко привлекались *статистические данные*, содержащиеся в официальных изданиях Центрального статистического комитета МВД – «Распределение старообрядцев по толкам и сектам» (СПб., 1901) и «Статистические сведения о старообрядцах (к 1 янв. 1912 г.)» (М., 1912), в материалах фондов местных административных учреждений МВД, привлекавшихся к подсчетам старообрядческого населения (ГАПО. Ф. 37, 95; ГАСО. Ф. 6; ГАТО. Ф. И-171; ТФ ГАТО Ф. Ф. 156, 417; ЦГИА РБ. Ф. И-294), а также в ведомостях церковного учета (данные о числе старообрядцев, публикуемые на страницах епархиальных ведомостей).

История старообрядчества региона нашла отражение в *источниках личного происхождения*: докладах и записках из фондов В. Д. Бонч-Бруевича, Е. М. Ярославского (РГАСПИ. Ф. 4, 89), а также письмах староверов, которые интересны тем, что отражают настроения в старообрядческой среде, позволяют обрисовать отношение представителей различных согласий к происходящим событиям. К этой же разновидности источников относятся мемуары, которые в большинстве своем принадлежат перу старообрядцев, присоединившихся к единоверию или православию и содержат детали и факты о внутренней жизни обществ староверов.

Большое значение для решения поставленных в исследовании задач имеют *источники нарративного характера*, такие как *сочинения старообрядцев*: 1) *исторические*, среди которых важное место занимают родословия старообрядческих согласий. Они были призваны показать «откуда процвело древнее благочестие», к приверженцам и хранителям которого причислял себя автор и его единоверцы. В родословиях прослеживалась линия преемственности благодати от Христа, апостолов, отцов Церкви и русских подвижников **дониконовского** времени к современным духовным наставникам. В данной работе используется два родословия часовенного согласия, созданные в 1870–1880-х гг. весьма авторитетными черноризцами; первое – о Нифонте, второе – о Валентине, а также дополнения к ним, сделанные последователями авторов. В дополнениях родословия о Нифонте содержатся немаловажные сведения об авторе и судьбе его скита вплоть до середины XX в.<sup>27</sup> К жанру родословия приближается и

XX в.<sup>27</sup> К жанру родословия приближается и сочинение южноуральских поморцев, посвященное преемственности настоятелей в **Златоусте**<sup>28</sup>, не прерывавшейся ни во время николаевских гонений, ни при советской власти. «История старой веры в Златоусте» ценна тем, что содержит те биографические данные местных поморских деятелей, которые трудно восстановить по другим источникам. 2) *Послания, полемическая литература* на различные исторические, религиозно-догматические, обрядовые, бытовые темы. Их авторами были отдельные личности, обладавшие авторитетом в старообрядческой среде, который позволял им в данных сочинениях, обращаясь к конкретному человеку или нескольким лицам (что бывало довольно часто), рассчитывать на широкий круг читателей. Подобные произведения могли неоднократно переписываться или перепечатываться (обычно гектографическим способом). 3) *Эсхатологические сочинения*, содержащие старообрядческие трактовки признаков наступления «последних времен», природы Антихриста, весьма важны для исследователя, поскольку для староверов они являлись основой для умозаключений о существующих властях и соответствующем к ним отношении.

К типу **устных источников**, привлекаемых в процессе работы над данной темой, относятся *материалы опросов* старообрядцев, собранные с использованием приемов «oral history» и хранящиеся в архиве ЛАИ УрГУ<sup>29</sup>. Часть из них была получена во время комплексных полевых археографических исследований при непосредственном участии автора диссертации. Все беседы были проведены с теми уроженцами Челябинской, Свердловской и Пермской областей, которые не покидали район проживания (хотя и перемещались внутри него на недалекое расстояние: в ближайший город или село) и потому способны излагать свое понимание пережитых (а не услышанных в чьем-либо пересказе) ими событий. Одним из критериев отбора был возраст участников интервью: все они 1909–1920 годов рождения; более пожилых найти не удалось в силу естественных причин, а родившиеся после 1920 г. далеко не всегда могут адекватно вспомнить и оценить происходящее вокруг них до 1927 г. Из всего массива информации в отобранных опросах в данном исследовании приводятся, прежде **всего**, биографические данные опрашиваемых лиц или их родственников. Все изложенные соображения следует отнести и к *материалам дневниковых записей бесед* со староверами из экспедиционного архива ЛАИ УрГУ, которые также привлекались, хотя и в очень ограниченной степени<sup>30</sup>.

<sup>27</sup> Анализ обоих родословий очень подробно сделан Н. Н. Покровским, см.: *Покровский Н. Н. Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири XVIII в.* // ТОДРЛ. Т. XXX. Л. 1976. С. 165–183; *Он же*. «Родословия» часовенных и их источники // *Староверы-часовенные* на востоке России... С. 183–204. Тексты данных сочинений, их дополнения и комментарии к ним: Духовная литература староверов востока России. С. 54–96, 637–657.

<sup>28</sup> Древлехранилище ЛАИ УрГУ. II (Горнозаводское) собр. 27р/844. Л. 1–8 об., текст опубликован: *Мосина Г. Златоустовские старцы* // Урал. 1993. № 3. С. 200–204.

<sup>29</sup> Архив ЛАИ УрГУ. Фонозаписи. VI (Невьяльское) собр. 3фн/12. Л. 1. VII (Нижнетагильское) собр. 2фн/13. Л. 1–3; I фн/38. Л. 1–4. XVIII (Челябинское) собр. 12фн/28. Л. 1–2. XXVI (Южно-Пермское) собр. 1фн/5. Л. 1–4.

<sup>30</sup> Архив ЛАИ УрГУ. Дневники. Д. 2, 3, 6, 8, 14, 118/10, 121.

Научная новизна исследования состоит в том, что автор впервые в отечественной историографии на основе обширного комплекса первоисточников проследил, как провозглашение веротерпимости и изменения в «религиозном» законодательстве 1905-1906 гг. соотносятся с реалиями правового положения староверов Урала и Зауралья. В работе выявлены особенности политических взглядов и настроений старообрядцев. Автор уделил много внимания основательному рассмотрению механизмов сохранения традиций и внедрения новаций в старообрядческих сообществах в эпоху империи и в первое десятилетие советской власти, обстоятельствах которые оказали влияние на ход этих процессов, в т. ч. революционные потрясения, антирелигиозная **политика**.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его выводы и рекомендации могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории религиозных организаций и старообрядчества Урала и Зауралья, а также по истории России в XX в. Кроме того, исследование может стать основой для разработки специального курса лекций для студентов высших и средних учебных заведений.

Основные положения, результаты и выводы исследования по теме диссертации были изложены в докладах на конференциях всероссийского и регионального уровня, в том числе: «I Сибиро-Уральский исторический конгресс» (Тобольск, 1997), «I Татищевские чтения» (Екатеринбург, 1997), «Урал в прошлом и настоящем» (Екатеринбург, 1998), «V Уральские археографические чтения» (Екатеринбург, 1998), «Старообрядчество: история и современность, местная традиция, русские и зарубежные связи» (Улан-Удэ, 2001), «Сибирь на перекрестье мировых религий» (Новосибирск, 2001). По теме диссертации автором было опубликовано 10 печатных работ общим **объемом 7.1 авт. л.**

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из **введения**, трех глав, **заключения**, трех приложений, списка использованных источников и литературы, списка сокращений.

Во введении обоснована актуальность темы, обозначены объект и предмет исследования, определены территориальные и хронологические **рамки**, сформулированы цель и задачи диссертационного исследования, раскрыта научная **новизна**, дана характеристика степени изученности и источниковой базы.

Первая глава – «Общая характеристика старообрядчества Урала и Зауралья в начале XX в.» посвящена внутреннему развитию старообрядчества на указанной территории.

*В первом параграфе* – «Численность, круг основных согласий и тенденции их *развития*» - освещаются проблемы статистического учета старообрядцев, выявляются осо-



**бенности размещения**, численности и социального состава старообрядчества региона, раскрываются направления полемики, ведущейся внутри согласий и между ними.

По переписи 1897 г. старообрядцы, вместе с т. н. «уклонившимися в раскол» составляли от **1,5** до **8 %** населения уральских губерний. Расселение старообрядцев внутри губерний не было равным. Исторически сложилось так, что основными старообрядческими центрами на Урале стали горнозаводские поселки, а также населенные пункты, лежащие на пути из **центрально-европейской** части страны и из Поморья в Сибирь и на Дальний Восток. Материалы переписи свидетельствуют о том, что удельный вес старообрядческого населения был самым высоким в Пермской губернии (за исключением Соликамского и Ирбитского уездов) - от 2,3 до **11%**, а также в Зауралье - на юге Тобольской губернии - в **Курганском**, **Ишимском** и **Ялуторовском** уездах. Данными переписи в Ялуторовском уезде Тобольской губернии зафиксирована наибольшая плотность старообрядческого населения в рассматриваемом регионе - **24,19%**, т. е. почти четверть жителей уезда в целом.

Перепись **1897 г.** еще раз показала, насколько далекими от реальности были данные, собираемые официальной церковью. Причина расхождений между церковной и светской статистикой заключалась в принципиально разных подходах к подсчету. Духовная власть, признавая наличие «номинально православных», отказывалась включать их в число **«отпадших»** от церкви и фиксировала только тех, кто **«открыто»** числились по ее документам старообрядцами. В статистику МВД и земских деятелей, проводивших обследования посредством подворных устных опросов и собственных наблюдений, попадали все те кто заявлял о своей принадлежности к старообрядчеству. И в первом, и во втором случае статистическая картина получалась неполной. В церковных данных никак не проявлялись те, кто, числясь в православном или единоверческом приходе, всю жизнь **посещали** старообрядческий храм или молельный дом. В свою **очередь**, в гражданскую систему учета не попадала часть староверов, которые настороженно относились к записи в каких-либо официальные документы и стремились уклониться от **занесения** в перепись. Поэтому полностью исчерпывающими нельзя признать и данные гражданской статистики, зафиксировавшие большее, чем духовное ведомство, число староверов. Тем не менее именно на их основании можно утверждать, что количество старообрядцев на территории четырех рассматриваемых губерний в конце XIX в. было никак не меньше цифр, указанных переписью - т. е. около **371** тыс. чел. (4,5 % населения).

Исследование численности староверов, проведенное **статкомитетом** МВД в 1912 г. путем сверки сведений гражданской и церковной статистики, уступает по точности переписи **1897г.** и вряд ли его можно считать адекватным реальной ситуации с численностью **старообрядцев**. Принципиальный отказ от процедуры личного опроса в пользу фор-

**мального** подсчета по **документам** губернского правления и духовного ведомства (ни то, ни другое после провозглашения веротерпимости в 1905 г. целенаправленным учетом старообрядческого населения не занимались) изначально таил опасность получения искаженной картины. Подсчеты увеличения старообрядцев за счет естественного прироста дают цифры, кардинальным образом отличающиеся от собранных МВД. Тем не менее, поскольку, при отсутствии иных статистических данных, обращения к результатам 1912 г. избежать не удастся, следует иметь ввиду их вероятную **заниженность**.

Несмотря на то, что в конце XIX - начале XX вв. «австрийцы» были самым динамично развивающимся согласием, оказывали большое влияние на часовенных и были признаны миссионерами как самое опасное направление, подавляющее большинство староверов Урала и Западной Сибири все еще принадлежало к беспоповцам. В беспоповских согласиях полемика между автономными обществами часто приводила к выделению новых толков, которые, не имея перспектив широкого **распространения**, усиливали и без того пеструю картину старообрядческих вероучений. Наиболее значительными согласиями оставались часовенное и поморское. В рассматриваемом регионе внутри каждого из них выделяется несколько влиятельных идеологических центров, которые не всегда поддерживают между собой связи даже чисто информативного характера.

Во *втором параграфе* ~ «*Организационная структура и социальный состав старообрядческих обществ Урала*» анализируются особенности развития старообрядческих общин. Основным объектом избрано наиболее многочисленное согласие на рассматриваемой территории - часовенное, тем более что основы внутреннего устройства в большинстве беспоповских согласий были подобными.

С середины XIX до начала XX вв. организационно-структурное устройство обществ часовенных почти не менялось. Среди духовных лиц и общин отсутствовала какая-либо иерархическая система соподчинения, не было одного определенного центра. Общества выделялись авторитетом наставников, богатством моленного **дома**, стройностью службы, влиятельностью попечителей и рядовых членов. На горнозаводском Урале одним из таких выдающихся обществ было **невьянское**, на Южном Урале – **уральское**, оренбургское и **сакмарское**. Для решения наиболее важных вопросов часовенные созывали собор, на который от общин делегировались представители, как наставники, так и прочие миряне. Обычно **заботу** об организации подобных собраний брали на себя житочные старообрядцы, в их просторных городских домах делегаты проводили свои заседания. Роль председателя собрания зачастую выполняли наставники или попечители мирских общин. Наиболее влиятельным, как и в прежние **времена**, в XVIII - первой половине XIX вв., считалось мнение скитских старцев, обязательно приглашаемых на собор. Однако приблизительно с 1880-х гг. роль руково-

**дителей** общин постепенно переходит от старцев, живущих полулегально в лесных кельях, к зажиточным крестьянам или купцам, а города или крупные, часто торговые, села становятся центрами **религиозно-организационной** жизни старообрядцев. Это, прежде всего, связано с изменением социального содержания старообрядческого движения, которое в XIX в. из движения протеста **превращается** в движение **нарождающихся** (буржуазных) форм жизни, которое способствовало как бы обходному развитию начатков капитализма.

Во второй главе «Расширение гражданских и политических прав старообрядцев в 1905–1917 гг.: новые возможности и проблемы» рассматривается либерализация российского религиозного законодательства в начале XX в. и ее последствия для старообрядчества **региона**, а также отношение старообрядцев к различным политическим партиям и опыт создания политического объединения старообрядцев.

*Первый параграф - «Либерализация **российского** религиозного законодательства и ее последствия для старообрядчества»* посвящен рассмотрению поступательного российского движения законодательства к признанию за старообрядцами права на легальное существование и анализу механизма работы законов, касающихся старообрядцев.

Наиболее важными для староверов были Указ о веротерпимости 1905 г. и «Положение о старообрядческих общинах» 1906 г. Изменение гражданско-правового положения староверов способствовало активизации **храмостроительства** и школ, организации соборов и съездов. Государственная политика по отношению к староверам утратила репрессивный характер, гражданская администрация проявляла **большую**, нежели прежде, терпимость. Тем не менее, попытка «вписать» старообрядчество в **систему**, в которой господствовала официальная православная церковь, привела к тому, что многие дарованные свободы оказались лишь декларацией или же оборачивались на деле ущемлением прав староверов, ставили их общества в зависимость от властей. Наблюдения за развитием ситуации на Урале подтверждают вывод о том, что «особенности появившихся документов и отсутствие закона о старообрядчестве неизбежно привели к длительному периоду борьбы за осуществление, фактически, всех декларированных старообрядцам в 1905-1906 гг. гражданских **“свобод”**»<sup>31</sup>. Стремление повлиять на законотворческую деятельность в Государственной думе, **где** рассматривался новый проект о положении старообрядчества, приводило к необходимости участвовать в политической борьбе партий.

*Второй параграф — «Старообрядцы и политические партии»* посвящен рассмотрению отношения староверов в столице и в провинции, в частности, на Урале, к различным политическим силам. Московские руководители **белокрыницкого, беглопоповского** и **порморского** согласий, принимая самое активное участие в политической жизни или же инге-

<sup>31</sup> Поздеева И. В. Русское старообрядчество и Москва С. 11.

ресуся» ею в значительно большей степени, чем рядовые обыватели, имели возможность своевременно выступить с необходимыми инициативами и направить их в нужном направлении. Большинство из этих деятелей по своим взглядам были близки правым и отчасти центристским партиям, что, несомненно, влияло на решения различных собраний и съездов, проводящихся под их руководством в Москве. При их активном участии в 1917 г. было создано «Политическое объединение старообрядцев» нескольких согласий, которое находилось на умеренных позициях. Обеспечить поддержку этому объединению в провинции, в том числе и на Урале, пытались светские и духовные руководители местных старообрядческих обществ. Однако политические акценты в провинции отличались своеобразием. Различия в социальном статусе, экономическом положении, культурно-бытовом и образовательном уровнях, а также текущие события и жизненные обстоятельства могли оказывать существенное влияние на отношения представителей староверия к партиям. В свое время ряд уральских деятелей «австрийского» и часовенного согласия входили в «Союз русского народа», были также известны симпатии ряда местных руководителей старообрядчества к центристским партиям, однако выборы в Учредительное собрание показали, сколь высоким было доверие населения, и старообрядцев в том числе, к левым политическим силам, в частности, к эсерам. Традиционное крестьянское мировоззрение, сконцентрированность внимания на вопросе о бесплатной раздаче земли предопределили в уральских губерниях осенью 1917 г. восприимчивость населения к лозунгам леворадикальных партий и поддержку значительной частью староверов партий эсеров и большевиков, что одновременно означало поражение «Политического объединения старообрядцев» (что, впрочем, не умаляет значения этого блока, ставшего, пожалуй, самым масштабным в истории старообрядчества).

В третьей главе «Старообрядчество Урала и Зауралья в 1917–1927 гг.» изучается жизнедеятельность представителей старообрядческого мира региона в условиях политических и социально-экономических изменений в послереволюционный период.

В первом параграфе - «Старообрядческие общества под давлением советской власти и социально-экономических изменений (1917–1922 гг.)» представлены итоги исследования жизни староверов в период революции, гражданской войны и антирелигиозной кампании 1922 г.

В частности, рассматривается, какой была реакция крестьян-староверов Зауралья на кризисные явления в экономике, особенно остро проявившиеся в течение 1917 г. и еще более усугубившиеся в ходе реализации большевистской политики в аграрном и торговом секторах. Она проявилась в рассуждениях о недозволительности «христианам входить членами в кредитные товарищества и артельные лавки совместно с иноверными». Подоб-

**ные** мысли высказываются как отдельными представителями **староверия**, так и в **соборных** постановлениях часовенных.

Развертывание Гражданской войны и политика большевиков, которые после прихода к власти в местных советах стали проводить в деревне мероприятия, направленные на развязывание борьбы бедняков против **кулачества**, вызвали крестьянские восстания, **начавшиеся** летом на территории Урала, которые охватили в том числе и местности, где старообрядческое население было **преобладающим**: один из таких «кулацких мятежей» вспыхнул 18 августа **1918 г.** в с. **Сепыч Оханского** уезда Пермской губ.

Во время Гражданской войны уральские старообрядцы оказываются в армиях обеих **воюющих** сторон, поскольку стремительно сменяющие **друг** друга власти неоднократно проводили мобилизацию в свои подразделения.

На заключительном этапе Гражданской войны в очаг одного из самых крупных крестьянских выступлений, как по численности, так и по охвату **территории** – **Западно-Сибирского восстания** – попали районы с достаточно высоким процентом староверов среди населения (селения по Ирьюму, и весь Ялуторовский уезд). Настроенность зауральских **крестьян-старообрядцев** против продовольственных мероприятий большевистских Советов в **1918 г.** также дает основания полагать, что поддержка ими лозунгов восставших и участие в вооруженном сопротивлении была вполне реальной. Отдельные факты участия староверов в восстании подтверждаются архивными материалами.

Активное переселенческое движение старообрядческого населения в **1918–1922 гг.** стало еще одной ярко выраженной реакцией на происходящие вокруг «неспокойствия». В **1918** - начале **1919 г.** преобладающим являлся уход в местные скиты. К этому людей подталкивал ряд причин, в том числе эсхатологические настроения, понимание **того**, что в миру невозможно спастись, утрата средств к существованию (т. е. те же причины, что и в дореволюционное время). Однако в период Гражданской войны подобные перемещения приняли более массовый характер, поскольку «нестроения» и число обездоленных росло быстрее. С середины **1919 г.** переселенческий процесс вышел за пределы Урала и Зауралья и был ориентирован, вслед за отступающими войсками **Колчака**, на восток.

Мероприятия по изъятию церковных ценностей коснулись большинства крупных старообрядческих храмов, которые и так пострадали в ходе Гражданской войны и уже не обладали тем богатством на которое рассчитывали власти. Крестьянские общины вне зависимости от согласия изначально далеко не всегда могли похвалиться пышностью убранства своих моленных домов и церквей.

*Во втором параграфе - «Старообрядчество в период между двумя антирелигиозными кампаниями (1923–1927 гг.)» анализируются взаимоотношения вла-*

стей и староверов, **внутриконфессиональная** жизнь, механизмы сохранения традиций и направления полемики в старообрядческих обществах.

Комплекс мер, предпринимаемых властями для разрушения религиозного мировоззрения и сокращения числа его приверженцев, на протяжении первого десятилетия существования страны Советов **неоднократно** менялся. В 1923-1925 гг. атеистическое движение перешло под эгиду газеты «**Безбожник**», которому правительство доверило развертывание масштабной антирелигиозной пропаганды. Однако в отношении старообрядцев удалось сделать немного. Партийные наблюдатели вынуждены были признавать, что даже не устраивающие никаких особых мероприятий, не проводившие **грамотной** и систематической антирелигиозной работы «организованные безбожники» своим недостойным поведением, неряшливостью, озорством и бескультурьем вызвали у привыкших к воздержанности, опрятности, трезвости и порядку старообрядцев отторжение и сводили к нулю все старания пропаганды дискредитировать традиционный уклад.

Помимо просветительской и агитационно-пропагандистской антирелигиозной деятельности важная роль в борьбе с религией отводилась административным методам. В распоряжении властей были различные варианты давления на религиозные организации. Такую возможность открывало законодательство об объединениях верующих, устанавливающее сложную процедуру их регистрации. С другой стороны, духовные лица ставились в трудное положение необходимостью выплачивать налоги, взносы и ренту, поскольку служба в церкви рассматривалась как доходное предприятие частного лица. Но в значительно большей степени, нежели посредством первых двух факторов, Советам удалось повлиять на положение религиозных деятелей (в том числе и старообрядческих) в ходе одной из наиболее массовых политических репрессивных кампаний середины 1920- первой половины 1930-х гг. - по лишению избирательных прав. В числе первых «лишенцев» среди старообрядцев оказались священники и наставники, поскольку безоговорочно попадали в разряд идеологических противников за связь с «религиозным культом».

Старообрядцы старались сохранить соборность при решении насущных вопросов в качестве одного из наиболее существенных принципов своей конфессиональной жизни. Время устройства первых после окончания Гражданской войны старообрядческих соборов, по всей видимости, находилось в определенной зависимости от времени установления стабильности в регионе. Ни один из соборов не высказывался напрямую о политических изменениях в стране и открыто не формулировал своего отношения к каким-либо конкретным проявлениям политики советского правительства. Но вопрос о властях и определение сущности происходящего затрагивался через эсхатологическую тему: «царствует ли Антихрист?». На Урале решили, что последние времена еще впереди и, следова-

тельно, новым властям следует подчиняться. Многие другие соборные решения являются откликом на новые условия, в которых оказались религиозные организации в советском государстве. Отпечаток стремления защитить свою культуру и обычаи от поощряемого властью безбожия просматривается почти во всех постановлениях.

В послереволюционные годы в старообрядческой среде вновь становятся актуальными рассуждения на эсхатологическую тему. Соотнесение предсказаний Священного Писания с исторической и современной действительностью приводит старообрядческих авторов к весьма радикальным выводам относительно происшедших в стране перемен. В ряде произведений, вышедших в середине 1920-х гг. из под пера староверов часовенного согласия, связанных с сибирскими скитами, отстаивается утверждение о **свершающемся** в это время наступлении последних времен (в то время как уральцы, напомним, «отложили» пришествие Антихриста). Настроения и взгляды сибирских скитников были известны часовенным уральских обществ. Однако, даже признавая за сибирскими настоятелями правоту в определении сущности новой власти, открытых выражений антикоммунистических настроений старообрядцы Урала и Западной Сибири в 1923-1927 гг. не предпринимали. Административные органы **Урала**, обязанные контролировать деятельность религиозных обществ, в годы **НЭПа** в большинстве случаев характеризовали старообрядцев как лояльных советской власти.

В заключении подведены итоги **исследования**:

- По количественному и качественному состоянию в начале XX в. старообрядчество в уральских губерниях являлось достаточно значительным компонентом религиозного многообразия **региона**, что подтверждается переписью 1897 г. и специальным обследованием МВД 1912 г. Однако, полностью **исчерпывающими** полученные ими данные признать нельзя, хотя они и зафиксировали большее, чем указывало прежде духовное ведомство, число старообрядцев. В поле зрения гражданской статистики попали далеко не все представители **староверия**. При этом обследование 1912 г. по точности уступает переписи.

- В начале XX в. спектр согласий в целом оставался неизменным по сравнению со второй половиной XIX в.: течения поповского направления были представлены беглоповцами и **белокриницким** согласием («австрийцами»), основные беспоповские течения - часовенными, поморцами, федосеевцами, **спасовцами**, странниками. В течение всего рассматриваемого периода по численности преобладающим являлось согласие часовенных, занимающее промежуточное положение между **поповцами** и беспоповцами.

- «Австрийская» иерархия была самым динамично развивающимся согласием. На протяжении всей первой трети XX в. между часовенными и «австрийцами» велась насыщенная полемика вокруг вопроса о законности новой старообрядческой иерархии.

- В беспоповских согласиях полемика между автономными **обществами** часто приводила к выделению новых толков, которые усиливали и без того пеструю картину старообрядческих вероучений. В рассматриваемом регионе у каждого согласия выделяется несколько влиятельных идеологических центров, отличающиеся самостоятельностью и независимостью. Для поморских согласий это **Таватуй**, Тюмень, Курган и Златоуст. Наиболее важные вопросы и значимые решения в часовенном согласии обсуждаются и принимаются в Невьянске, Екатеринбурге, Оренбурге, в зауральских деревнях по р. Исети.

- Среди изменений в организации внутренней жизни общин беспоповцев Урала можно отметить уменьшение влияния скитов, поскольку руководящая идеологическая роль постепенно переходит от **старцев**, живущих полулегально в лесных кельях, к житочным крестьянам или купцам, а города или крупные, часто торговые, села становятся центрами религиозно-организационной жизни старообрядцев. Впрочем, лесные пустынножительства по-прежнему имеют в старообрядческих организациях большое значение, поскольку выполняют важные социальные и культурные функции.

- Росту влиятельности деятелей мирских общин способствовали изменения в законодательстве, обеспечившие процесс легализации старообрядчества. Большую роль в этом сыграли Указ о веротерпимости 1905 г. и «Положение о старообрядческих общинах» 1906 г. Изменение гражданско-правового положения староверов способствовало активизации **храмостроительства**, созданию сети старообрядческих школ, организации соборов и съездов. Государственная политика по отношению к староверам утратила репрессивный характер, гражданская администрация проявляла большую, нежели прежде, терпимость. Тем не менее, попытка «вписать» старообрядчество в систему, в которой господствовала официальная Православная Церковь привела к тому, что многие дарованные свободы оказывались лишь декларацией и в ряде случаев ставили общества староверов в непосредственную зависимость от благосклонности властей.

- Значимой инициативой политического характера стало создание в 1917 г. «Политического объединения старообрядцев», находящегося на умеренных позициях и ставшего в истории **староверия** одним из самых масштабных мероприятий подобного рода. Однако отсутствие единства политических предпочтений в старообрядческом мире привели к поражению на Урале данного политического блока.

- Во время Гражданской войны уральские старообрядцы оказываются в армиях обеих воюющих сторон, поскольку стремительно сменяющие друг друга власти неоднократно проводили мобилизацию в свои подразделения. Упоминания об участии староверов в Белом движении встречаются в источниках так же часто, как и свидетельства об их пребывании в рядах Красной армии.



- После окончательного установления на Урале власти большевиков в 1919 г. мероприятия, направленные на претворение в жизнь положений Декрета 1918 г. об отделении церкви от **государства**, на утверждение атеизма стали неотъемлемой частью борьбы за вытеснение старой системы ценностей и выстраивание новой, в которой не было места таким **«предрассудкам»** как религия (хотя, возможно, есть основания полагать, что претворение в жизнь подобных деклараций оборачивалось заменой объектов и элементов религиозного сознания, а не его разрушением). Помимо просветительской и **агитационно-пропагандистской** деятельности важная роль в борьбе с религией отводилась административным методам, кампании по **лишению** избирательных прав.

- Под влиянием революционных **потрясений** в 1920-е гг. усиливаются эсхатологические настроения старообрядцев. Выходцами с Урала, осевшими после 1917 г. в сибирских скитах, создаются сочинения, **соотносящие** установление советской власти с наступлением «последних времен». Уральские соборы склоняются к более умеренной оценке происходящего и пытаются приспособиться к новым условиям, сохраняя верность традиционному принципу непротivления властям.

- Главное изменение в социальном составе старообрядческих общин заключалось в значительном уменьшении слоя **благотворителей**, на чьи средства ранее устраивались старообрядческие школы, возводились храмы, оказывались вспомоществования скитам. Однако это обстоятельство лишь несколько **снизило** качественный уровень **внутриобщинной** жизни: старообрядцы возвращались к устройству служб в домашних молельнях, обучению детей грамоте частным образом, а старообрядческие **скиты**, поддерживаемые жителями близлежащих селений, даже умножились из-за активного переселенческого движения.

- Большую опасность представляло для наиболее массовых общин старообрядцев разрушение традиционного уклада хозяйствования. Однако в 1920-е гг. этого еще не произошло, главный удар по мелкотоварному производству, как в **городе**, так и в деревне, был нанесен при наступлении на частный капитал в годы «великого перелома». Городские и сельские общины староверов вне зависимости от согласия представляли собой устойчивые многофункциональные системы, способные самостоятельно (без помощи государства и даже в условиях прессинга со стороны властей) выполнять культовые, хозяйственные, образовательные и др. функции и были способны амортизировать идеологическое и (в определенной мере) **экономическое** давление.

В состав диссертации входят 3 приложения. В приложении 1 даны диаграммы по численности старообрядческих согласий региона в конце XIX - начале XX вв. В приложениях 2 и 3 помещены тексты двух старообрядческих сочинений 1920-х гг. с комментариями и текстологическими примечаниями.

## ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

1. Разногласия среди урало-сибирских старообрядцев часовенного согласия по поводу «Положения о старообрядческих общинах» 1906 г. // Культурное наследие Азиатской России. **Мат-лы I Сибиро-Уральского исторического конгресса**, Тобольск, 25-27 ноября 1997 г. Тобольск, 1997. С. 109–110.

2. Старообрядческие начетчики и их участие в полемике между согласиями на Урале и в Западной Сибири в конце XIX - начале XX вв. // I Татищевские чтения. Тезисы докл. и **сообщ.** Екатеринбург, 14–15 ноября 1997 г. Екатеринбург, 1997. С. 189-192 (в соавт. с Н. А. Борисенко).

3. Старообрядцы часовенного и **белокриницкого** согласий Урала и Западной Сибири в 1914–1916 гг.: отношение к военным действиям (по материалам журнала «Уральский старообрядец») // Урал в прошлом и настоящем. Мат-лы науч. конф. 24–25 февраля 1998 г., Екатеринбург. Ч. 1. Екатеринбург, 1998. С. 252–253.

4. «Они не говорят нам о точной статистике пермского раскола...» (к вопросу об официальной статистике старообрядчества конца XIX - начала XX вв.) // V Уральские археографические чтения. Мат-лы науч. конф. Екатеринбург, 14–16 октября 1998 г. Екатеринбург, 1998. С. 81-85.

5. **Старообрядцы-часовенные** Урала в конце XIX - начале XX вв. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 85-135.

6. Гражданская власть, церковь, старообрядцы в начале XX века: три версии права свободы вероисповедания (по материалам **урало-западносибирского** региона) // Проблемы истории России: Евразийское **пограничье**. Вып. 4. Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2001. С. 188-205.

7. Источники о свободе вероисповедания старообрядцев Урала в начале XX века // Уральский сборник. История. Религия. Культура. Вып. IV. Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2001. С. 42-58.

8. Политические взгляды старообрядцев в 1905–1917 гг. общероссийский и региональный аспекты (по материалам уральского региона) // Старообрядчество: история и современность, местная традиция, русские и зарубежные связи. Мат-лы науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 25-28 июня 2001 г. Улан-Удэ, 2001. С. 91-92.

9. Материалы к биографии старообрядческого начетчика А. Т. **Кузнецова** (1879-1938) // Сибирь на перекрестье мировых религий. Мат-лы науч.-практ. конф. **посв.** памяти М. И. Рижского, Новосибирск, 29-30 октября 2001 г. Новосибирск, 2001. С. 153–156.

10. «...**Проживая** в моленной, занимается изготовлением и распространением контрреволюционной **литературы...**» (данные к биографии старообрядческого «**изуграфа**» XX в. Е. П. Губкина по материалам судебного-следственного дела) // Вестник музея «Невьянская икона». Екатеринбург, 2002. С. 107-122.